

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ МЫСЛЬ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЖЕНЩИНЫ ЗА ПЕРВОРОДНЫЙ ГРЕХ: К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ ЖЕНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

Возникновение женского самосознания как рефлексии по поводу роли женщины в мужском мире чаще всего относят к Новому времени. Между тем и в античной, и в средневековой культуре есть немало произведений, в которых женщина предпринимает попытку осмыслить специфику женского бытия.

Мне бы хотелось посмотреть на проблему самосознания средневековой женщины сквозь призму трактовки библейского рассказа о грехопадении человечества, к которому средневековая мысль постоянно обращалась, оценивая природу женщины.

Согласно традиционному пониманию грехопадения, идущему от ветхозаветного рассказа, женщина-Ева первой нарушила божественную заповедь и затем склонилась к греху Адама. Последствия грехопадения, инициированного прародительницей, были плачевны; человек стал смертен, навеки потерял райское блаженство, утратил божественное знание природы вещей, лишился чистоты, приобретя взамен склонность к греху. Главным виновником грехопадения Ева объявлялась и в новозаветной традиции, и патристике, и в собственно средневековой теологической мысли: «не Адам был прельщен, но жена, прельстившись впала в преступление» (1 Тим. 2:13-14), «вина Евы - тяготеющий над человечеством первородный грех» (2, с. 345), «праматерь возбудила пожар, который до сих пор не удается потушить» (4, Р. 214). Этот взгляд широко представлен в западноевропейских теологических трактатах, в дидактических трудах, в произведениях городской литературы: грех в мир пришел через женщину.

Обвинение женщины в том, что она была главным виновником первородного греха, определялось самой сутью средневекового мирозерцания, в котором грехопадение осмыслялось как победа телесного, природного над духовным, собственно человеческим. А поскольку первое отождествлялось с женским, а второе - с мужским, постольку в этой системе ценностных координат женщина была обречена нести главную ответственность за грехопадение. Подтверждение этому видели и в характере наказания человека: он утратил бессмертие и отныне был вынужден в поте лица своего заботиться о хлебе насущном,

женщина же по причине своей особой роли в грехопадении получила дополнительную кару - в болях рожать на свет детей.

Образ Евы стал образом-символом - женщина как таковая сравнивалась и даже отождествлялась с прародительницей (2, с. 345; 9, р. 37; 8, р. 1) - постоянно встречается такое собирательное обозначение женского пола как «Евино семя», «Евино племя». Каждая женщина вслед за Евой обвинялась в гордыне, легкомыслии, невоздержанности, неразумии. И каждая женщина несла ответственность за первородный грех.

Рассмотрим вопрос, как расценивались мотивы поведения Евы, роли мужчины и женщины в грехопадении в официальной христианской традиции, с одной стороны, и в сочинениях средневековых женщин, с другой.

Основной причиной того, что преступление инициировала именно Ева, а не Адам, считались природное женское несовершенство и слабость. Женщина - нестойкая, нетвердая, непостоянная, безвольная, без какого-либо самоконтроля (все это обозначалось в латинских источниках термином *inconstantia*) и к тому же неразумная - не имела сил противостоять натиску со стороны дьявола-искусителя как более сильного создания.

Другим фактором, способствовавшим преступлению Евы, считалось легкоеверие и недостаточная твердость в вере, которые якобы присущи женщине по самой природе. Гильом из Оверни, например, писал, что женщины легче, чем мужчины, подвергаются обману чувств (см. 12, р. 145). В дальнейшем в «Молоте ведьм» в доказательство женской нетвердости в вере также приводится пример прародительницы: женщина скорее сомневается и отрицает веру, поэтому дьяволу легче было достигнуть своей цели (3, с. 123 - 124).

Идея Евы слабой уживалась с идеей Евы демонической (11, р. 64). Грехопадение было результатом вмешательства нечистой силы, с которой женщина имеет особые отношения, - не случайно одно из распространенных аллегорических названий Евы, «сосуд дьявола», часто употреблялось и по отношению ко всему женскому полу. Эта связь нередко трактовалась как связь сексуальная (см. например, 3, с. 102, 198 - 201).

Подтверждением этому служат и такие часто встречающиеся эпитеты Евы: «Сатанинская невеста», «супруга дьявола». В Западной Европе идея общения женщины с дьяволом в ритуальной половой связи приобрела наибольшее распространение в XII - XIV веках (12, р. 144).

Это общение объяснялось тем, что, по мнению многих средневековых мыслителей, женщина по своей природе вообще более сексуальна чем мужчина, она обладает особой сексуальностью - и это является еще одной причиной преступления Евы.

Согласно официальным воззрениям на грехопадение Господь сотворил мужчину и женщину созданиями совершенными и лишенными сексуальности; сексуальное влечение пришло в мир лишь как результат преступления Адама и Евы. Вместе с тем в средние века были распространены и представления, что Ева изначально обладала особой сексуальностью - поэтому появляется миф о сексуальном обольщении легкомысленной, стремящейся к удовольствиям женщины-Евы дьяволом-искусителем. Идея «ненасытной похоти женщин» была очень популярна (3, с. 126 - 127; 7, р. 427; 6, р. 13). Средневековые авторы часто предьявляли счет этой женской сексуальности за постоянное искушение мужчины, за постоянную опасность, которую она несет мужчине. Так, Абельяр осуждал Элоизу за то, что она вводит его в искушение, подобно тому, как Ева искушала Адама и как каждая женщина соблазняет мужчину начиная с сотворения мира (12, р. 145). Источником плотского желания мужчины называют не саму женщину, а дьявола, искушающего его через женщину, что выглядит вполне логичным в свете тезиса об особой связи женщины с дьяволом.

Наконец, еще одно серьезное обвинение, предьявляемое Еве - ее попытка сравниться с Богом в знании добра и зла, классифицируемая как проявление самого страшного греха - греха гордыни.

(Отметим, что все обвинения западноевропейских авторов в адрес Евы, отмеченные выше, можно обнаружить и в отечественной средневековой традиции).

Бремя ответственности за первородный грех и его последствия возлагалось на образованных женщин средневековья так же, как на каждую женщину. Поэтому попытки доказать право женщины на самореализацию, на возможность стать в публичной сфере рядом с мужчиной неизменно наталкивались на господствующие представления об ее умственном, моральном, физическом

несовершенстве. Это - тот интеллектуальный контекст, в котором решался вопрос о вине Евы за грехопадение.

Совершенно естественно поэтому, что проблема первородного греха достаточно часто рассматривается в работах тех средневековых авторов-женщин, которые задумывались о женской природе и женском предназначении.

Об ответственности Адама и Евы за грехопадение писали многие образованные женщины; к их числу относятся Кристина Пизанская (1365-1430), которую многие считают не только первой профессиональной писательницей, но и первой феминисткой; итальянская гуманистка Лаура Черета (1469 - 1499). Наиболее обстоятельно, пожалуй, этот вопрос анализируется в трудах двух средневековых женщин - германского мистика, философа, поэтессы Хильдегарды Бингенской (1098 - 1178) и итальянской гуманистки Изотты Ногарола (1416 - 1466), чей трактат «О равном или неравном грехе Адама и Евы» («De pari aut impari Adamae et Evae peccato») был написан собственно уже на пороге Нового времени, в 1451 году.

Примечательно, что, разбирая проблему ответственности Евы, авторы-женщины не ставят под сомнение идею природной женской слабости. Однако они видят в этой слабости не отягчающее, а смягчающее вину женщины обстоятельство, и этот тезис является важным в ее апологии.

Хильдегарда Бингенская в своих сочинениях подчеркивала, что женщина отличается от мужчины по физической и психической структуре (она создана не из глины как Адам, но из живой плоти, плоти мужчины), что она мягче и слабее, что именно по этой причине Ева первой поддалась искушению (5, р. 117; 10, р. 59, 144). Но за слабость женщину нельзя осуждать - ведь таковой ее создал Господь. (10, р. 61). Более того - то, что согрешила именно женщина, даже хорошо: ведь если бы заповедь нарушил более сильный, более совершенный Адам, то его грех был бы значительно сильнее и спасения достичь было бы невозможно (10, р. 60).

Отличаются от господствующих в патриархатном сознании и рассуждения Хильдегарды по вопросу о природной сексуальности Евы. Философ согласна, что именно сексуальность явилась истинной причиной грехопадения. Однако она полагает при этом, что причиной влечения послужила любовь Адама и Евы. Любовь и сексуальность, по мнению Хильдегарды, существовали еще до грехопадения - и тогда они были свободны от похоти (10, р. 60-61, 143).

То, что грех и похоть пришли в этот мир, во многом связано с любовью и страстью Адама к Еве. Хильдегарда полагала, что мужчина сильнее стремился к Еве, чем та к нему: мужчина получает от женщины большее удовольствие. Потому-то дьявол рассчитал, что если он сначала завоюет женщину, то влюбленный Адам будет делать все, что женщина захочет (5, р. 117). Таким образом, в концепции первородного греха Хильдегарды Бингенской не только Ева, но и Адам выступают не как субъекты, сделавшие сознательный выбор в пользу зла, но скорее как заложники своей сексуальности, причем Адам еще в большей степени, чем Ева (там же).

Другая работа, в которой автор-женщина пытается снять с женщины ответственность за первородный грех, трактат Изотты Ногарола «О равном или неравном грехе Адама и Евы» (1451). Изотта Ногарола, известная итальянская гуманистка, не случайно обратилась к этой теме. Всю жизнь она посвятила ученым занятиям и, встречая противодействие своим гуманистическим штудиям со стороны гуманистов-мужчин, много размышляла о природе женщины и ее праве на познание истины. Не удивительно, что в попытке защитить себя она, подобно другим обвинителям и адвокатам женщины, снова обращается к проблеме ответственности Евы за первородный грех.

Изотта во многом вторит Хильдегарде. В ее развернутой системе доказательств акцент на природную слабость Евы - один из основных аргументов защиты; обстоятельство, практически дезавуирующее вину прародительницы. Ведь природа сама по себе лишена греха, а поскольку слабость Евы была врожденной от природы, то ее нельзя за это упрекать - «где меньше способности к пониманию и меньше стойкости, там меньше греха» (4, р. 188). Природная слабость женщины проявляется в ее умственном несовершенстве, нестойкости, нетвердости и нерешительности: «Ева согрешила нерешительная и нестойкая» (там же).

Изотта доводит этот тезис до логического конца - она утверждает, что поскольку Адам был создан более совершенным и разумным, постольку он должен был хорошо присматривать за женщиной. Но раз он этого не сделал, то глазная ответственность за первородный грех должна быть возложена на него (4, р. 206 - 207).

Гуманистка обращается еще к одной важнейшей теологической проблеме - о свободе воли человека. Рассуждения Августина Блаженного, по этому поводу были

хорошо известны в средневековой культуре. Свободен ли был Адам в своих поступках? Ведь если он был не властен не следовать за женой, то нельзя говорить и о свободе его воли - между тем человек потому является образом и подобием Божиим, что он свободен. Таким образом, понимание взаимосвязи свободы и ответственности не позволяет полностью снимать вину с Адама. Оба прародителя, Адам и Ева, нарушили божественную заповедь, поэтому они должны нести ответственность совместно. Изотта, поддерживая тезис о свободе воли человека, проявленной в истории грехопадения, полагает, что на Адаме лежит большая ответственность, причем она опять апеллирует к женской слабости: поскольку женщина была несовершеннее мужчины, то она не могла вынудить его на этот поступок - ведь тот, кто принуждает, всегда сильнее того, кого принуждают (4, р. 207)

Отвергает гуманистка и обвинения в гордыне, предъявлявшиеся Еве. Изотта считает, что ею двигала не гордыня стремления сравняться с самим Богом, не легкомысленность погони за удовольствиями, но жажда познания, познания добра и зла (4, р. 201 - 203). Между тем в идеологии гуманизма было общепринято, что стремление к знанию является естественным и универсальным свойством каждого человека и потому не может ни порицаться, ни восхваляться. Следовательно, за естественную жажду знания нельзя порицать и Еву. Для гуманистки очень знаменательным является тот факт, что к знанию потянулась женщина-Ева, а не созданный более совершенным мужчина-Адам. Доказывая необходимость, полезность знания для человека и правомерность устремлений прародительницы, Изоттатем самым в значительной мере снимает с Евы вину за грехопадение.

Еще один аргумент обвинителей Евы: сама тяжесть телесного наказания женщины - «бремени в болях производить на свет детей» - подчеркивает степень ее вины. Poleмика с ним содержится в трактате «Диалог Изотты Ногарола из Вероны о том, кто - Адам или Ева - больше согрешил» (*Dialogus Isotae Nogarolae Veronensis quis Adam vel Eva magis peccavit*), который являлся версией трактата Изотты, по всей вероятности относящейся к XVI столетию. В нем более явно отразились новые, гуманистические взгляды на природу человека, широко распространившиеся в Европе на рубеже Нового времени. Одним из основных положений идеологии гуманизма была идея высокого достоинства человека, его безгрешности, неиспорченности. Этим тезис требовал пересмотра большей части пред-

ставлений о последствиях первородного греха, о порче, извращении человеческой природы. Обращаясь к тезису об особом наказании женщины, автор трактата утверждает, что вынашивание и рождение детей не может быть наказанием для женщины - боль проходит, и та радуется своему ребенку (4, р. 234-235); то, что даровано женщине от природы, не может считаться наказанием. Но если нет особого наказания для женщины, то, может быть, не было и особого преступления, задает риторический вопрос автор. ь.-

Анализ полемики об ответственности женщины за первородный грех был бы неполным, если оставить без внимания тему искупления этого преступления Девой Марией. Еще в патристике было высказано мнение, что Мария искупила вину Евы. В средние века эта точка зрения отнюдь не являлась общепринятой, но в трудах авторов-женщин она получила безусловную поддержку (10, р. 145). Наиболее радикально этот вопрос решила Кристина Пизанская, которая в своей «Книге трех добродетелей» также обсуждает проблему искупления греха Евы. Она считает, что если человеческая природа низко пала из-за сотворения женщины, то затем вследствие этого же вознеслась гораздо выше (1, с. 230). Благодаря Марии человек обрел намного больше, чем потерял из-за Евы - люди соединились с Богом, чего никогда не случилось бы, не соверши прародительница своего проступка (1, с. 229). Поэтому люди - как мужчины, так и женщины -должны быть даже признательны Еве за ее грех, без которого в конечном счете они не удостоились бы чести искупления (1, с. 229).

Идеи высокого достоинства человека, безгрешности его природных стремлений подготовили почву для появления в следующем, XVI, столетии трактатов, которые решали вопрос об ответственности женщины

за первородный грех совсем с иных, несредневековых, позиций и которые во многом реабилитировали природу женщины.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кристина Пизанская. Из «Книги о Граде Женском»/ Пер. Ю. П. Малинина//Пятнадцать радостей брака и другие сочинения французских авторов XIV-XV веков. М., 1991.
2. Тертуллиан. О женском убранстве // Тер-туллиан. Избр. произв. М., 1994.
3. Шпренгер Я., Инститориус Г. Молот ведьм. Саранск, 1991.
4. Isotae Nogarolae Veronensis Opera quae supersunt omnia accedunt Angelae et Zenevrae Nogarolae epistolae et carmina: In 2 Vol. Edidit et praefatus est E.Abel. Vindobonae, 1886. Vol. 2.
5. Hildegard Bingen. Scivias // The Writing of Medieval Women. N.Y.; L, 198/.
6. Aspegren K. The male Women: A Feminine ideal in the Early Church. Uppsala, 1990.
7. Brundage J.A. Low, Sex, and Christian Society in Medieval Europe. Chicago, 1987.
8. Ferrante J.M. Woman as Image in Medieval Literature. From the Twelfth century to Dante. N.Y.; L, 1975.
9. Gies F., Gies J. Women in the Middle Ages. N.Y., 1978.
10. Lerner G. The creation of Feminist consciousness. N.Y.; Oxford, 1993.
11. Philips J.A. The History of the Idea. San Francisco, 1984.
12. Russel J.B. Withcraft in the Middle Ages. Citadel Press, 1972.

